

Натиг
Расулзаде

ВОР

рассказ

Натиг Расулзаде

Вор

«PEN-клуб»

2013

Расулзаде Н.

Вор / Н. Расулзаде — «PEN-клуб», 2013

Мальчик-сирота, выросший в детском приюте, не знавший родителей, становится вором, поначалу – мелким воришкой, потом к тридцати годам профессиональным вором, уважаемым в среде мазуриков. Крупные авторитеты, воры в законе хотят взять его к себе, чтобы он работал на них, в артели, но он остается свободным «художником». Так он проводит свои годы, свою жизнь, скитаясь по “малинам” и притонам, временно снимая комнаты и уходя, замечая следы после каждого крупного дела, встречаясь с проститутками, не зная любви и ласки, лишенный близких, семьи, детей. Так он живет, не задумываясь о будущем, о завтрашнем дне, по принципу: «Будет день, будет пища», пока не встречается ему девушка, у которой он крадет кошелек... С этого момента жизнь его резко меняется. Он влюбляется, становится другим человеком, начинает следить за собой, за своей внешностью, за своей речью. Девушка относится к нему благосклонно, пока не узнает, чем он занимается на самом деле. Она категорически запрещает ему в дальнейшем подходить к ней, искать её, и уходит. Он, для которого в этой любимой девушке было сосредоточено все, весь мир для него, все его будущее, все надежды, что с ней и благодаря ей он станет постепенно другим человеком, перестанет воровать, женится на ней, он, понимая, что это был его последний шанс стать человеком, которого могли бы по-настоящему полюбить, кончает с собой.

© Расулзаде Н., 2013

© PEN-клуб, 2013

Натиг Расулзаде

Вор

Не то, чтобы, на самом деле, большие, непреодолимые затруднения, нет, этого не было, но зарождалось чувство зыбкости, эфемерности, непрочности всего окружающего, когда, как в сказках или фантастических фильмах, все превращалось во все другое или угрожало превратиться, и ты в этом сумасшедше изменчивом мире должен твердо знать свое место и не сходить с него ни за что на свете, иначе – кранты.

Шапкин-Шубкин помял в кармане маленький, дешевый кошелек, который только что стибрил, хапнул, свистнул и слямзил в большом маршрутном автобусе, следующем по маршруту: «Говно собачье – хрен моржовый» и печально повздыхал про себя: работать в городском транспорте, как раньше, лет пятнадцать-двадцать назад становилось невозможно – все богатенькие пересели на свои колеса, а голодранцы в лучшем случае носили с собой вот такие тощенькие, обессилившие кошельки, в которых бабок – кот наплакал, чтобы мне так жить, и в редком, редчайшем случае удавалось разжиться убогой зарплатой интеллигентного простофили, небрежно засунутой в карман пиджака, будто мудила имел миллионы, а это ему только на семечки выдали.

Шапкин-Шубкин хотел, назло всем неимущим пассажирам, перед выходом из автобуса испортить воздух, но решил воздержаться: все равно это не подняло бы его обосранного настроения.

Он поплелся по улице, вытащил на ходу кошелек и пересчитал деньги в нем – восемь тысяч манатов. Хватит, чтобы пожрать и останется на ночлег, если придется идти в платную хазу. Подумав о жарчке, Шапкин-Шубкин незамедлительно почувствовал голод, беспардонно переходящий в волчий, и потому, не мешкая, подошел к ближайшему ресторанному окошечку, из которого продавали доняры; судя по виду окошечка и неопрятного парнишки-продавца – специально для доходяг и босяков, так что Шапкин-Шубкин почувствовал себя вполне комфортабельно, если б не голод, и потому жадными глазами следил за манипуляциями юного продавца, как тот начинал разрезанную лепешку содержимым...

Нет, нет, – остановил его решительным жестом Шапкин-Шубкин, – сначала мясо клади...

Плутоватый мальчишка, на миг озабоченный мыслью, на глаза оттого повзрослев до «молодого человека», молча высыпал пожухлую зелень из чрева лепешки и стал засовывать на ее место кусочки малопрожаренного мяса. Шапкин-Шубкин продолжал внимательно и подозрительно следить за ним в нужный момент подсказал:

– Клади побольше.

– Сколько положено, – ответил молодой человек.

– Положено кем? – поинтересовался Шапкин-Шубкин.

Продавец молча мазнул по нему равнодушным взглядом и не стал поддерживать разговор: навидался всякого, особенно вот таких голодных бомжей, что с них поимеешь?.. Получив свой хлеб, начиненный чем надо и щедро политый подозрительным кетчупом, Шапкин-Шубкин прямо тут, у окошечка, жадно впился в него оставшимися зубами. Продавец равнодушно, глазами отрезанной бараньей головы смотрел на него, он – на продавца, активно жуя, пока не догадался отойти. Поедая купленное, Шапкин-Шубкин уже веселее пошагал прямо к едренефене, подсчитывая, сколько осталось из украденных денег и большую ли брешь в ненадежном его бюджете проделал этот обед.левой рукой, лодочкой подсунутой под подбородок, он ловил неряшливо оброненные кусочки и тут же отправлял их в рот, чтобы добро не пропадало. Кстати, рот. Большие, посиневшие от холода губы, почти квадратной формы, обрамленные со всех сторон постоянной щетиной, как остров – часть суши, окруженная со всех сторон водой. Это он просто вспомнил сейчас про остров, потому что доучился до шестого класса

в интернате, где, разумеется, проходил и географию, как остальные нормальные дети, и кое-что зацепилось в памяти, будто о репейник всякая летучая дрянь, носимая ветром, и некстати и не к месту вспомнилось, вот как, скажем, сейчас, когда он вспомнил про свой рот и ясно представил его себе, щетину вокруг губ, хотя мог бы и не представить, потому что давно не смотрел в зеркало, и было бы неудивительно... Впрочем, чего он там не видел, в этом зеркале засратом? – усмехнулся про себя Шапкин-Шубкин, дожевывая последний кусок. Последний кусок, вот ты кто, подумал про себя Шапкин-Шубкин, если б не пожмотился и дал бы той цыганке две-три тысячи, кто знает, могла бы такое предсказать... Может, тогда бы не пришлось ему, Шапкину-Шубкину, слоняться бесцельно по улицам, думая и размышляя од одном – где бы пожить, где бы достать настоящие деньги, на которые мог бы он спокойно прожить хотя бы месяц или недельку-другую, прожить, расслабиться, питаться и спать нормально. Но клиента не было, не было клиента, как зорко не высматривал его на улицах Шапкин-Шубкин, одна вонючая сволочь кругом с дырками в карманах. Можно было бы, конечно, гробануть какую-нибудь торговую точку на тихой улочке-переулочке, аптеку, скажем, или пункт обмена валют, сейчас их много и бездарно грабили, без ума, нахрапом, и, естественно, попадались, даже несмотря на бездарную работу полиции; можно было ограбить квартиру, сейчас много богатых квартир по городу, но тогда потребовался бы понедельник, одному такое дело не поднять, да и вообще... все это ему не по нраву, не по сердцу было, и только крайняя нужда могла погнать его, Шапкина-Шубкина, на разбой и грабильку, которые, не исключено, что – не дай Бог! – мокрым делом кончатся. Не по нутру все это было, потому что был Шапкин-Шубкин вор, настоящий профессиональный, искусный вор, вор от Бога, если только Бог допустит такое, вор высшего разряда с талантливыми и натренированными за последние два десятилетия пальцами, тонкими, чуткими, будто специально для запуска в чужие карманы созданными ловкими пальцами, которые служили ему и кормили его с десяти лет, как волка ноги кормят; и однажды, когда он украл какую-то мелочь из кабинета директора интерната, взломав замок на двери, и был пойман и уличен, и просидел сутки в пыльном и глухом подвале, пропахшем крысиным говном, вдруг, вопреки ожиданиям мальчишки, его не наказали, а привели сутки, продержав голодным и без воды, в кабинет директора и оставили с ним наедине. Директор тут же, без лишних слов, перешел к сути дела и поделился с мальчиком пришедшей в голову идеей – как более рационально, с большей отдачей использовать проснувшиеся инстинкты и способности своего подопечного, и послал его воровать на улицы, пригрозив, что суточная голодовка может продолжаться и, предупредив предварительно, что, мол, если что, он, директор ничего не знает, и если мальчик вздумает кому-нибудь проболтаться об их союзе и партнерстве, то он, директор, голову ему, мальчику оторвет, а если, значит, попадетя на воровстве – наше дело опять же, сторона. Проинструктированный таким образом, десятилетний Шапкин-Шубкин пошел на первое свое дело, полагаясь только на ловкость своих рук и изворотливость, которой наградила его природа (наградила, надо сказать, довольно скупой). «Нет, – говорил он много позже в кругу приятелей – блатных мазуриков, воров, домушников, уркаганов и медвежатников, – нет, все-таки, что вы там ни киздите, а талант переходит с генами...»

– С кем, с кем?

– Э-э... Безграмотная шпана! – безнадежно махал рукой Шапкин-Шубкин, – видно отец мой вор знаменитый, вот и мне передались его умение и способности...

С тех пор он ежедневно приносил и отдавал директору интерната наворованное, тот хвалил за большую добычу, ругал за маленькую, и каждый раз неизменно напоминал, что обязательно, непременно оторвет ему голову, если Шапкин-Шубкин проговорится, из чего мальчик понял, что директор боится этого, как огня. Так продолжалось три года, после чего Шапкин-Шубкин сбежал из интерната, доведенный до ярости и отчаяния бесконечными представлениями интернатских педерастов и периодическими домоганиями плотной, кубообразной пятидесяти семилетней поварихи, предлагавшей попробовать на вкус ее женообразные, пуга-

ющие прелести, а в случае отказа грозившей насыпать ему в обед стрихнина, и в ярких красках описывавшей мучительную кончину, которая ожидала бы Шапкина-Шубкина. Он не раз жаловался своему патрону и компаньону на все эти проблемы, мешающие жить и нормально трудиться – ведь надо было непременно хорошенько выспаться перед рабочим днем на улицах и транспорте города, чтобы потом не заснуть посреди очереди за апельсинами или импортными ботинками, запустив руку в карман впереди стоящего гражданина (в те годы неплохо работало и в очередях, охваченных взаимной ненавистью и злобой, издерганных многочасовыми стояниями горожан, к большому сожалению Шапкина-Шубина, этих очередей не стало, они рассеялись подобно мифу о незыблемости великой державы), но мудрый директор воспринимал подобные жалобы, как необходимые и неискоренимые издержки всякого общежития, в каком бы виде оно не существовало: в тюрьме, в интернате или коммунальной квартире, и не очень обращал внимание на хныканье мальчишки, спокойно советуя ему держаться подальше от всего, что мешает развиваться его профессиональным качеством, а как подальше держаться он не говорил.

Кстати, сейчас годы, проведенные в стенах интерната, детские годы Шапкина-Шубина вспоминались им с теплотой, некоторые эпизоды из своей интернатской жизни он отчетливо помнит, несмотря на то, что прошло уже немало лет. Раз, он помнит, лет пять или шесть ему было, он только недавно поступил в интернат, стояло жаркое лето, он неприкаянно бродил по окрестностям и наткнулся на огромный арбуз в чьем-то огороде, долго возился с ним, стараясь в одиночку прикатить в интернат, но ничего не получалось, тогда он пошел за помощью, созвал несколько ребят из своей младшей группы и они тихо, осторожно, чтобы не увидели ребята из старшей группы и не отняли, как всегда делалось здесь, прикатили с большими трудностями огромный этот арбуз к столовой, и там кухарка, худая, иссушенная какой-то болезнью страха, разрешила длинным ножом арбуз на равные доли и раздала им, детишкам. Он до сих пор помнил, каким противно теплым в ту летнюю жару оказался арбуз, совсем не сладким, еле розовым, но они, малыши, ели его с наслаждением. Или еще он помнил из интернатской жизни, но на этот раз зимнее воспоминание. Возле их спальни, снаружи помещения, стояла кадка, они выбегали ночью мочиться в эту кадку, боясь в темноте бежать по темному двору к туалету, за ночь ударил мороз, моча в кадке замерзла. Утром, когда они вышли, кто-то из малышей закричал, увидев кадку:

– Мороженое!

Это послужило сигналом для их младшей группы, детишки набежали, каждый отломил себе кусок, стали облизывать, ведь многие из них тогда даже не знали вкуса мороженого и облизывали промерзшие сосульки мочи, пока взрослые воспитатели не отняли... Да, все-таки были, были и у него воспоминания, как у других людей, что ни говори, детство, оно у него, Шапкина-Шубкина было...

И, надо сказать, не такой уж простофиля был Шапкин-Шубкин, как, порой, казалось директору интерната, и смог до побега, за три года активной деятельности по чистке карманов законопослушных обитателей своего города, во-первых, ни разу не попасть в нечистые лапы правосудия, во-вторых, скопить себе на черный день. Кстати, за это время набралось порядочная сумма, которую мальчик прятал в тайнике под огромным платаном на улице, за забором их пригородного интерната, и никому из постоянных прохожих и в голову не могло прийти, что под этим пыльным, старым деревом лежит приличная сумма, часть которой была экспроприирована как раз из карманов этих самых прохожих, местных жителей, доверчиво отправлявших в город на одном автобусе с Шапкиным-Шубкиным. Между прочим, эти люди и послужили мальчику для – в некоторой степени – изучения психологии по внешности и поведению; через какое-то время он почти безошибочно мог определить были ли с собой деньги у того или иного пассажира, и стоило ли с ним потолкаться перед выходом из автобуса. Вот, скажем, молодой, лет двадцати шести – двадцати семи ффраер (мальчик, несмотря на свой возраст, уже объек-

тивно и профессионально оценивал годы своих потенциальных клиентов, и двадцать семь лет для него была молодость, а не как казалось его сверстникам – ого-го! Двадцать семь! Какой же это молодой?! Это дядя...), тщательно одет, обувь блестит, и пахнет от него хорошим одеколоном, не таким дешевым, как от директора интерната, парень смотрит в окно, явно рад солнечной погоде, мечтательно улыбается – не иначе, как едет на свидание с девушкой, и, наверняка, это одно из первых свиданий с ней, когда хочется произвести впечатление, иначе он не стал бы так тщательно прихорашиваться, хочется выглядеть щедрым, по возможности сорить деньгами, и что отсюда вытекает? Вытекает самое главное: у парня есть деньги! А тот небритый мужчина с толстой неопрятной женой на первом ряду и со связанными индюшками в ногах у них, загораживающими выход из автобуса, явно имеет деньги только на проезд до городского базара, где он продаст своих индюшек, и если придется вместе возвращаться, тогда он – мой клиент, думал мальчик. Конечно, он не столь конкретно все обдумывал и взвешивал, скорее чувствовал, интуитивно ощущал, и интуиция его почти никогда не обманывала, и он вставал, выходил вместе с хорошо одетым молодым человеком, толкался с ним у выхода, и потом на улице торопливо уходил – наступала пора рвать когти и делать ноги – забегал в ближайший подъезд и подсчитывал добычу.

За эти годы появились у него блатные корешки, друзья-приятели, с которыми он пил и ел, делил крышу над головой (чаще всего, это были кочегарки, спать в которых было приятно особенно зимними ночами, в непогоду, приятно, но небезопасно, потому что смотритель кочегарки часто напивался вместе с ними, и так как жрачка и водка была для него, приютившего шарашку, на хояву, то он и старался пить и есть, как верблюды – впрок, вследствие чего накачивался до потери сознания, а кочегарка, в которой надо было поддерживать определенное давление, оставалась без надзора, а отсюда и до беды недалеко, и он, Шапкин-Шубкин в подобных ситуациях чувствовал себя несколько напряженно, некомфортно, не мог от души расслабиться после тяжелого трудового дня), с которыми часто помогали друг другу материально, так сказать, финансировали друг друга в тяжелые дни, никогда не требуя возврата долга, но свято придерживаясь принципов воровского товарищества, когда приятелю-блатному приходилось туго, но как бы то ни было, ни разу за годы своей деятельности Шапкин-Шубкин не работал с подельщиком, с самого детства он был ярко выраженным индивидуалистом и всегда любил работать один, может, теперь причиной тому служило еще и то, что он не хотел разочаровываться в своих друзьях, кто знает? Силком, бывало, не затащишь его в групповое дело, отнекивался, отбрыкивался и уходил, даже когда в участии его ощущалась настоящая необходимость... Обижались на него, но понимали – характер такой, не любит человек групповщину, что уж тут... Может, именно благодаря этому своему качеству – что он не умел работать с кем-то – он и прослыл заговоренным: ни разу за эти годы, начиная с десятилетнего возраста, когда он был впервые отправлен директором интерната на дело, Шапкин-Шубкин не попадался, его не ловили, не уличали, не задерживали, а уж тем более, не арестовывали, даже не вызывали в суд в качестве свидетеля (что было бы, кстати, и невозможно: Шапкин-Шубкин был человек без паспорта, а значит, его и не было вовсе), несмотря на то, что работал он очень активно и своего не упустил, бойко вытряхивая из сограждан кошелек, портмоне и просто сложенные в карман деньги, отчего они не становились менее заманчивыми и привлекательными. И единственное, пожалуй, исключение, когда он попался, составлял именно тот случай, когда его поймал директор интерната: это, видимо, и научило его осторожности...

Сейчас работать становилось труднее и сложнее в том смысле, что прежней простоты и доверчивости не было, не было прежнего романтического настроения у населения, когда все спешили к светлому будущему, забыв застегнуть ширинки, и еще: ведь раньше все миллионеры, все богатеи были подпольными и, чтобы никто их не заподозрил, вынуждены были ошиваться среди народа, терпеть чернь в очередях в отхожее место в театрах, собираться вместе в стадо по любому поводу, ни в коем случае не пренебрегать скоплением масс, а теперь они, сытые

сволочи, отделились от народа, стали страшно далеки от народа, как справедливо утверждал классик, огородились от всех стенами, заборами, собаками, верзилами-охранниками, и теперь до них не добраться; разве что откроешь дверцу машины, когда этакий круглый, гладкий гаде-ныш выходит из подъезда, облегчившись на своей б..., и идет к машине с шофером, да и то, если повезет, если не получишь по шее от того же шофера, или пинка от охранника, если повезет, если он разрешит открыть дверцу, а не отстранит еще издали тебя рукой, чтобы не прикасаться к тебе, короче: если повезет то, если повезет другое, то у тебя, то есть у Шапкина-Шубкина, могла оказаться в кармане вполне приличная для него сумма; однако теперь, в отличие от детства, приличные суммы не задерживались в его кармане, потому что он – и это естественно – играл, и если часто выигрывал, то и проигрывал не реже, потому что картежная игра была обычным состоянием собравшегося коллектива мазуриков при любой погоде, и смене властей, и времени года. Да, зарабатывать становилось труднее с каждым днем, а сейчас еще придумали на карточки банковские переходить, суки, и теперь у богатеньких, к которым хоть изредка находился доступ, и вовсе не будет в карманах живых денег, а карточкой этой можешь подтереться, хоть пусть миллион на ней, никто по ней тебе не выдаст ни шиша, еще и арестуют к едрене-фене. Это Шапкин-Шубкин узнал у одного специалиста, банковского служащего. Очень огорчил его спец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.